

Книги Андрея Васильева
в серии

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ЧУЖАЯ СИЛА
ЗНАКИ НОЧИ**

Цикл
«УЧЕНИКИ ВОРОНА»

**ЗАМОК НА ВОРОНЬЕЙ ГОРЕ
ГРОБНИЦЫ ПЯТИ МАГОВ
УЧЕНИКИ ВОРОНА. ОГНИ НАД ВОЛНАМИ
УЧЕНИКИ ВОРОНА. ЧЕРНАЯ ВЕСНА**

Межавторский цикл
«КОВЧЕГ 5.0»

Андрей Васильев
**МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ
ДОРОГИ СУДЕБ
ВРЕМЯ РОКИРОВОК**

Дем Михайлов
ЖИРДЯЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ЗНАКИ НОЧИ

РОМАН

Москва, 2018
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В19

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1123

Художник
И. Воронин

Васильев А.

В19 Знаки Ночи: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 313 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2721-5

Всякое действие имеет противодействие, в правоте этого закона в полной мере убедился обычный банковский клерк Александр Смолин. Тот факт, что он смог подчинить себе ведьмачью силу, которая случайно ему досталась, не упростил жизнь, а усложнил ее. Новые друзья, новые враги, новые тайны и загадки — вот что ждет новоиспеченного ведьмака, только-только ступившего на просторы мира Ночи.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Андрей Васильев, 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2721-5

Все персонажи выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, названиями мест, банков, телепрограмм, телепроектов, а также с любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями — не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор этой книги тоже будет ни при чем.

ГЛАВА 1

— Если ты не перестанешь на нас так смотреть, то мы разбудим нашего повелителя, — сообщила мне грудастая русалка Лариска. — Да-да-да!

— Врет она, — презрительно опроверг слова Лариски Родька и сплюнул на сразу же после этого зашебуршившегося на крючке червяка. — Ей в радость, что ты на ее титьки пялишься. И повелителя у них никакого нет. В старые времена местным русалкам Речной Конь был владыкой, но его никто уже лет двести не видел. А местному водянику на этих склизких плевать. Он вообще почти все время спит, просыпается только весной, потому как в это время вода разливается, ему радостно. Да еще когда рыба икру метать начинает, он в эти поры рыбаков чересчур ретивых гоняет.

— А на Ильин день? — почему-то обиженно добавила еще одна русалка. Ее имени я не знал, но мне она нравилась больше, чем нагловатая Лариска.

— Точно, — признал свою оплошность мой слуга, который как раз забросил удочку в реку. — Еще после Ильина дня глаза продирает, чтобы утопить кого-нибудь. Традиция, как без этого? Эй, девки, если кто из вас мне на крючок старый сапог подвесит или корягу, то я вам такое устрою, что мало не покажется.

— Напугал! — вызывающе подбоченилась Лариска. — Клубок на ножках!

— Я в городе был, я жизнь повидал, — веско произнес Родька и нехорошо оскалился. — И скоро опять туда уеду, чего

мне с вами сидеть тут, в глуши! А когда после вернусь, знаешь, чего привезу, знаешь?

— Чего? — язвительно поинтересовалась Лариска. — То, чего у тебя никогда не было?

— Химию! — вытаращив глаза, рявкнул Родька. — Не слышала о такой? А она — есть! Накидаю вам в реку этой химии, все тут передохнете!

— Есть такая, — негромко сообщила немного опешившей Лариске немолодая русалка с седыми волосами, которая, похоже, была у них главной. Звали ее Серафима. — Лет сорок назад в Ведомку с полей эту самую заразу спустили, так в ней даже водомерки передохли.

— Ведомка! — надула губы Лариска. — Эту Ведомку воробей перейдет, лапок не замочит.

Я глядел на это все и в очередной раз офигевал. Ну сами посудите, какова картина — ночь, луна, лето, река. Вроде так все ничего? Ну да, где-то так. Только вот на берегу этой реки расположилась теплая и очень необычная компания — я, начинающий ведьмак Александр Смолин, мой слуга Родион, существо неопределенного вида, более всего похожее на меховую старорежимную муфту, только с руками, ногами и непредсказуемым характером, да еще с десятков русалок разного возраста.

Мне, кстати, всегда казалось, что все русалки должны быть молодые и красивые. По определению. Так классики в книжках писали и в кино так всегда показывали. Да оно и понятно — русалками, если верить сказаниям, становятся юные девушки, которые сиганули в воду по доброй воле. Как правило, из-за несчастной любви.

А вот и нет! Оказывается, не так все просто. Возраст здесь вообще не играет никакой роли, той же Серафиме на глазок сильно за сорок было. Тут все решает твоя жизнь до смерти, и только она. Если у утопившейся душа была чистая, не повинная ни в чем, то она сразу отбывает туда... Куда-то туда, где ей будет хорошо. Куда точно — не знаю. Раньше думал, что в курсе, а теперь ни в чем не уверен. Мир вокруг меня оказался более многогранным и многомерным, чем мне виделось еще совсем недавно. Я теперь многое сомнениям подвергаю. Нет-

нет, речь не о вере. Просто плоскости сместились, и, чтобы все снова хоть как-то устаканилось, мне нужно время.

Так вот, русалки. Если душа чистая, она отбывает в заоблачные дали, а тело... Что тело? Как повезет. Может, его прибьет к берегу, и тогда делом займется полиция, а может, течение загонит под огромную корягу, которых в этой реке немало, и оно пойдет на корм рыбам и ракам.

И даже тот факт, что это самоубийство, не помеха.

А вот коли на душе у утопленницы был какой грех из серьезных, то дело плохо. Плавать ей в этих водах до скончания веков, гонять мальков да болтать с подругами ни о чем в лунные летние ночи на берегу.

И топить мужчин, которых сдуру на берега этой реки занесло. Потому как каждая невинно загубленная русалкой душа дает ей возможность хоть ненадолго ощутить биение жизни в своем холодном теле.

Кстати, судя по разговорам и обмолвкам, та же Лариска не одному загулявшему мужичку водорослями на дне ноги спутала. Была она русалка разбитная и веселая, но при этом проस्कальзывало в ней что-то очень недоброе. То ли во взгляде, то ли в голосе.

Насколько я понял, она топиться и не думала, просто шла пьяная по мостику, поскользнулась да и свалилась в реку. Грехов за ней числилось где-то на пароход, начиная от неоднократного вытравливания нежелательных последствий греховных связей бабками-знахарками и до воровства по мелочи, потому в речной штат она была зачислена сразу же после того, как вода заполнила ее легкие.

И еще один интересный факт — самой молодой из русалок перевалило за сотню лет. Да еще с хорошим гаком. Имеется в виду не по земному летоисчислению, а по подводному. Не думаю, что после Октябрьской революции девушки и женщины резко перестали тонуть, но факт есть факт — светловолосая Аглая с кувшинкой за ухом была среди речных прелестниц самой юной. И это притом, что она упокоилась на дне еще при царствовании Александра Третьего. Так она сама сказала, назвав его «царем-батюшкой». Лариске же и вовсе больше двух сотен лет было, поскольку она, рассказывая мне о своих похо-

ждениях еще в том мире, с удовольствием вспоминала лихого французского улана, называя его Раулюшкой. К гадалке не ходи — служил этот Раулюшка в полку у какого-нибудь Мюрата. Или Дея.

Вообще-то я к русалкам хотел наведаться сразу после того, как немного обжился в доме покойного ведьмака. Точнее — теперь уже, разумеется, в моем доме. Собственном. Да-да, вот как-то так незаметно я стал домовладельцем, если и не по государственным законам, то по законам наследования силы и всего остального, что в рамки привычного мировоззрения не укладывается.

Так вот, очень мне хотелось посмотреть на это речное диво еще с той поры, как Родька их в каком-то разговоре упомянул. Ну все-таки русалки — это классика. Про Хозяев кладбищ я до событий, которые как катком прошли по моей жизни, слыхом не слыхивал, про подъездных тоже, а вот про девушек с рыбьим хвостом знал. И в кино видел, и шутки слыхал не раз о том, что, мол, русалка лучшая жена, потому как ее хоть в постель, хоть к пиву — всяко хорошо. Но как-то не складывалось у меня с визитом на берег реки, что протекала всего в паре километров от Лозовки. То одно, то другое, вот и дооткладывал его на самую последнюю ночь перед отъездом обратно в Москву.

Хотя удивительного в этом ничего нет. Две с половиной недели пролетели как стрела, и каждый из дней был заполнен маленькими открытиями, сюрпризами разной степени приятности и наматыванием на ус разнообразных премудростей. Да что там! У меня и война тут имелась, самая настоящая, позиционная.

Нет-нет, не с Дарой и ее подругами. Тем более что страшная как смерть ведьма Дара снова стала благообразной Дарьей Семеновной, любительницей телесериалов и трудолюбивой огородницей.

Но тут надо подробнее рассказать.

Я обрел силу, а потому все договоры, что покойный Захар Петрович заключил с ведьмами, теперь распространялись и на меня. То есть вот так просто мне теперь уже кровь не пустишь. Боком может выйти.

Мне про это сама Дарья Семеновна и рассказала. Она пожаловала к дому ведьмака сразу после того, как я вошел в ка-

литку. Даже замок с входной двери снять не успел и вещи в дом занести.

Понятное дело, я напрягся. Чего лукавить, если и был какой-то момент, смущавший меня в этом путешествии, так как раз эти ведьмы проклятые. Умом я понимал, что им себе дорожке пытаться меня угробить, но то умом. А как представишь, что они всю ночь будут под окнами шляться, так сразу неуютно становится.

Я все же не спецназовец, не рейнджер техасский и не рыцарь без страха и упрека. Я еще месяц назад был обычным клерком обычного банка, скучным, небогатым и толстеющим.

Нет, в том, что касается дохода и прибавления веса, для меня пока ничего не изменилось, но скучать стало некогда. Очень уж много вокруг меня всякого интересного происходит.

Вот, например, сейчас мне довелось повидаться с бабулей, которая, похоже, застала те времена, когда Русь еще не крестили. Она не то что Ленина вертикального помнит, она, вероятно, даже с Ильей Муромцем знакома была.

— Вижу-вижу, — без всяких приветствий начала разговор Дарья Семеновна. — Стало быть, обуздал силу? Молодец, что еще скажешь. Я-то, грешным делом, думала, что не сможешь, что кишка у тебя тонка. Ошибалась, значит.

— Выходит, так, — согласился с ней я, ставя рюкзак и сумку на крыльцо. — Вот, не оправдал ваших надежд.

— Оно и хорошо, — заулыбалась бабка, показывая крепкие молодые зубы. — Так даже интереснее.

— Я не книжка, вам меня не читать, — постарался по возможности независимо произнести я. — В чем тут интерес-то?

— Сильный противник, он всегда лучше, чем слабый, — объяснила ведьма. — Он в жизнь перцу добавляет. Вот Захарка сгинул — и чего-то нам не хватает. А теперь есть ты — молодой, красивый. Глуповат пока, но это не беда. Может, еще успеешь поумнеть.

— Спасибо, что не добавили «вкусный», — совершенно не кривя душой, произнес я. — Как-то спокойнее на душе после этого.

— Это сказки все, что мы людей едим. — Бабка была само дружелюбие. — Нет, когда-то давно, еще при старых богах,

всякое случалось, понятное дело. Но и тогда человек никто в печи не жарил и всякой чуши вроде «повалюсь, покатаюсь, Алексашкиного мясца поевши», не распевал. Сердце харчили, это было. Но для чего?

— Боюсь спросить, — опять же абсолютно искренне прокомментировал ее слова я. Честно — мороз по коже прошел. Так она это буднично говорила, так спокойно, что было предельно ясно — и она человеческие сердца ела. Точно ела.

— Ритуал, — подняла узловатый указательный палец вверх Дарья Семеновна. — Он того требовал. Иначе ни Усоньша, ни Чернобог нас даже слушать не стали бы.

Господи, это сколько же ей лет? Я что-то про Чернобога слышал, конечно, но что, где и когда — не вспомню. Кстати. Возможно, даже в «Что? Где? Когда?» слышал, был там такой вопрос. Забавно. Каламбур.

— Но сейчас оно нам зачем? — продолжала вещать старуха. — Возни больше, чем проку. Старые боги нас не слышат из своих дальних далей, а другие на их место не пришли. Только этот, Единый.

— Да? — не удержался я. — А в лесу тогда зачем хотели под травку уложить?

— Как же вас было не растерзать? — по-моему, даже обиделась ведьма. — Да ты что, милый! В тебе сила гуляет ничейная и очень даже для нас полезная. Девица, которая с тобой сюда пришла, тоже сладенькая, как конфета, — молодая, нерожавшая, изрядно нагрешившая и некрещеная. Да кто же такую добычу отпустит? И обижаться за это не след. Вы пришли к нам в руки по доброй воле, так что все было честно.

И ведь что досадно — хоть бабка и наводит тень на плетень, но в целом она права. Сами сюда приперлись, сами сглупили, сами к ним в руки тепленькими отдались. Чудо, что живыми остались, сейчас я это куда лучше, чем тогда, понимаю.

— А теперь все будет по-честному. — Бабка снова расплылась в улыбке. — Договор в силе, мы твоей смерти добиваться не станем. Желать будем, слабости не простим, но чтобы нож в спину или там яд в стакан — это нет. Мы не люди, у нас если слово сказано и услышано, то оно нерушимо. Потому как покон! Но и ты соответствуй.

— Мне вы без надобности, — твердо заявил я. — Не за тем сюда вернулся. У меня свои дела и свои интересы.

— С тобой все ясно. Но есть же еще твой дружок, судный дяк. С ним как? — прищурившись, поинтересовалась Дарья Семеновна. — Он заехать обещал. Мы не боимся, но лишней огласки нам не нужно. Вот убьем его, так ведь следом приятели притащатся, придется отсюда лет на двадцать съезжать куда-то. Зачем нам это все? Хозяйство здесь у нас, огороды, уклад привычный. Антенны спутниковые вот поставили в тот год. Скажи ему, чтобы носу он сюда не казал, и все останутся довольны.

А ведь врет она. Пусть отчасти, но врет. Нифонтов сам по себе ей, может, и не страшен, но вот его друзей она явно опасается.

— Это ваши дела, — покачал я головой. — Вот вы и разбейтесь. Но сразу скажу, мадам: если вы чего с ним сделать надумаете, то я глаза закрывать на это не стану. Разойдетесь миром — хорошо. Дойдет дело до драки...

— И что тогда? — заинтересованно поторопила меня старуха.

— Видно будет, — веско закончил я. — Пусть это останется для вас секретом.

— На том и порешим. — Дарья Семеновна снова лучезарно заулыбалась. — А пока будем жить да поживать по соседству. Может, тебе огурчиков принести, морковки, ягод каких? Урожай в этом году, слава Герману, хорош на диво!

— Слава кому? — переспросил я. — Герману? А это кто?

Дарья Семеновна только грустно вздохнула, глянув на меня, да и посеменила от калитки прочь.

При чем тут Герман? Кто это вообще такой? Явно не тот, что «тройка, семерка, туз». Но других Германов я не знал. Да и тот вроде с двумя «н» на конце писался, по крайней мере в оригинальном, текстовом варианте.

А вот следом за этим и началось то, что кроме как войной, не назовешь. Я-то думал, что опасность будет ждать меня за калиткой, а оказалось, она таилась в доме.

Меня невзлюбил домовой, тот самый Антип, о судьбе которого я беспокоился. Знал бы — дихлофос с собой прихватил или какую другую отраву позабористей. А может, удава в под-

валах дома № 14 попробовал бы найти, чтобы он эту борода-тую заразу с чердака сожрал.

Не знаю, что я ему сделал, но осада велась по всем правилам. Точнее, как и водится на хорошей войне, без каких-либо ограничений.

Начал Антип с того, что под утро первой ночи, которую я провел под крышей своего нового дома, меня чуть не удавил. В самом прямом смысле. «Чуть» — потому что до конца это дело он довести не смог бы в любом случае, нельзя домовому хозяина убить. Жизнь ему испортить можно, покоя не давать — тоже, даже выжить из-под крыши можно, хоть это решение и является почти самоубийственным. А вот убить нельзя.

Этот паскудник навалился мне на грудь, когда в окошках уже забрезжил рассвет и я наконец уснул. На новом месте мне всегда спится скверно, так уж я устроен, поэтому полночи проворочался без сна. И вот как только задремал, все и началось.

Грудную клетку сдавило, горло тоже, да так, что я аж захрипел. Открываю глаза, а на моей груди сидит какое-то косматое исчадие ада, сверкает глазами, сопит и что-то ворчит в свою нечесаную бородищу.

Я только и смог просипеть:

— Ты что? Ты кто?

А этот гад мне и говорит:

— Убирайся, откуда приехал! Это мой дом!

И давит все сильнее и сильнее, так что мне уже дышать почти нечем.

Спасибо Родьке, который от всего этого кавардака проснулся.

Ох, он и разозлился!

Прямо соколом налетел на Антипа и как начал его дубасить своими лапами!

— Какой твой дом! — орет. — Это нашего нового хозяина дом! Он вообще, если захочет, тебя отсюда выкинет и нового домовика найдет! Вас, поди, много, а хозяев-ведьмаков раз-два и обчелся! Невежа ты пучеглазый!

В результате эта парочка, сцепившись, слезла с моей груди и начала кататься по полу, лупася друг друга куда придется.

А я только сидел, хватал ртом воздух и глазел на эту битву титанов.

Кончилось все вничью, но своего Родька добился — душить меня Антип больше не пытался. Зато начал гадить по мелочам.

То сыпанет в еду какой-то измельченной и редкостно вонючей травы, то всю ночь шуршит за русской печкой и безостановочно ворчит, так что спать невозможно. А под конец он на меня утюг с печки сбросил. Старый, ржавый, угольный еще, килограмм десять весом. Нет, не на голову. В ногу метил. И если бы попал, то мне больница была бы гарантирована.

Кстати, это для меня была последняя жирная точка в возможном строительстве наших отношений. Я не участник телешоу, где люди только этим и занимаются, у меня столько времени и терпения нет, потому было принято решение, что с этим человеконенавистником надо прощаться. Одно плохо — я не знаю, как это сделать. И спросить не у кого. Вот так вот вышло.

Интернет тут не берет, у Вавилы Силыча телефона нет, Нифонтова беспокоить как-то неудобно по такому поводу, а больше никого, кроме ведьм, в округе нет. Но с ними я советаться в последнюю очередь стану.

Наверняка что-то по этому поводу мог бы сказать Родька, но он этот мой вопрос проигнорировал. Просто сделал вид, что не слышит меня, причем все три раза. Именно столько раз я его об этом спрашивал. Корпоративная этика, надо полагать. И это притом, что он еще дважды дрался с Антипом на чердаке, а в последний раз они такое устроили, что я даже испугался обрушения потолка, так они неистовствовали.

Тем не менее сдавать его Родька не стал.

Но это ничего. В городе все узнаю, и, когда сюда приеду в следующий раз, кое-кто уйдет на улицу жить. Меру потому что знать надо. Я человек не злой, но у меня тоже есть нервы и лимит терпения.

Но если абстрагироваться от неприятности по имени Антип, то все остальное меня более чем устраивало. Seriously. Никогда бы не подумал, что я, горожанин до мозга костей, привыкший к комфорту квартиры и благам цивилизации, буду получать столько радости от проживания в доме, где всем этим практически и не пахнет.

Здесь ведь на самом деле почти ничего не было. Ни телевизора, ни стиральной машины, ни заказа пиццы. Даже магазина и того не имелось, мне через неделю с копейками пришлось пешком тащиться в неблизкое Шаликово. Хлеба-то надо купить было и консервов. А вот «зеленый домик», наоборот, был. Да, тот самый, хрестоматийный, покосившийся, стоящий в самом углу немаленького земельного участка Захара Петровича. Мало того, мне даже пришлось заняться неким его благоустройством под руководством вездесущего Родьки. Он мной командовал, а я подправлял крышу, углублял яму и... И не стоит касаться деталей, короче.

Вообще надо будет зимой посидеть подумать и следующим летом здесь кое-что благоустроить. Вызвать пару бригад на предмет разных полезных улучшений. «Танк» там вкопать, забор подновить, фундамент дома, летний душ поставить. Интересно, Захар Петрович в реке, что ли, мылся? Или его просто не волновали эти мелочи?

Да что там «танк»! С проводки надо начинать. Я когда плитку, на которой еду готовил, включал, она так трещала, что мне страшно становилось. Собственно, по этой самой причине через несколько дней я остался без связи, поскольку телефон на зарядку ставить не отважился. Коротнет еще — и погорел мой гаджет. Да и не нужен он мне был здесь особо. Звонить я никому не собирался, а если кто-то что-то хотел от меня, то это не мои проблемы. Я в отпуске. И пусть весь мир подождет.

Впрочем, все эти мелочи совершенно не портили настроение и общее впечатление от того, как я здесь проводил время.

А проводилось оно с пользой.

Я штудировал книгу, теперь уже имея под рукой неограниченный запас трав, причем практически любых. Родька и здесь оказался незаменимым помощником, просто-таки энциклопедией на ножках.

Не обошлось и без экспериментов, благо тут я мог не беспокоиться о том, что мне кто-то помешает или начнется пожар. Я устроил нечто вроде лаборатории на улице, под яблонями, так чтобы меня не было видно из-за калитки, и там провел с десятков опытов, пытаясь добиться того результата, что был описан в разных рецептах из книги. Что-то получилось, что-то

нет, но это все пошло мне на пользу. С каждым разом я все более уверенно обращался с весами, котлом и всем прочим.

Еще я свел дружбу с местным лешим, очень даже душевным старичком. Для лесной нечисти душевным, разумеется. Он конечно же попробовал меня пару раз спровоцировать, как некогда другой мой знакомец из их племени, тот, что жил рядом с родительской дачей, но больше так, для проформы. Процедура есть процедура, я все понимаю. Сам служу, так сказать. Есть протокол, надо ему соответствовать.

Причина такого снисходительного ко мне отношения кроется в том, что лесной хозяин с Захаром Петровичем крепко приятельствовал, причем не один десяток лет. Он сам мне про это рассказал.

Он вообще очень хорошим дядькой оказался. И очень знающим. Ох, он много разных интересных вещей мне о лесе поведал. И даже показал. Я, честно говоря, и не подозревал, какая это, оказывается, мощная сила — лес. Именно сила, если не сказать — стихия. Это не просто деревья и кустарники, не какая-то там экосистема, как про нее пишут в учебниках. И скажу вам так: пока лес нас терпит и нам сходит с рук то, как мы его вырубам и загаживаем. Но если вдруг его терпение истощится, то людям мало не покажется.

Лесовик, которого я вскоре стал называть дядя Ермолай, даже провел меня в самое сердце своего массива, куда простым людям дорога заказана. Ни одна тропинка туда не приведет, ни один навигатор дорогу не укажет. Там дом лесного хозяина, там средоточие его власти над деревьями и зверями. И, насколько я понял, это был знак немалого доверия ко мне.

Там мне довелось повидать деревья, которым лет по пятьсот, коли не больше. И клянусь вам, я ощутил, что они живые. Не в смысле — корни, ветки, сок, бегущий по стволу. Нет. Они мыслят. Не так, как мы, по-другому, но мыслят. Чувствуют.

Если бы у меня была возможность выбрать, я предпочел бы не путь мертвых, а, наверное, хотел бы иметь дело именно с лесом. Есть в этом что-то такое... Исконное. Все мы из леса вышли, в конце-то концов. Славяне в смысле.

Кстати, повидал я там и проклятый клад. Точнее, место, где он закопан. Специально ночью ходил, днем его не увидишь.

Закопали его века четыре назад под корнями старого дуба лихие люди, так мне дядя Ермолай сказал. Зарыли — и не вернулся за ним никто. А он знай себе лежит. И золото-серебро в двух сундучках, и побрякушки какие-то в ларце, и безвинно убитый мальчонка лет двенадцати, которого при нем сторожем оставили. Правда, за это время кости его успели сгнить до основания, но душа все еще там обретается, при сокровищах.

Врагу не пожелаю такой клад найти. Мальчонка этот за четыреста лет настолько осатанел, что у меня от его воплей и проклятий чуть голова не взорвалась. Слушать меня этот страж сокровищ не желал, а убить не мог, потому как я на его добро не посягал. Вот оттого он так и разорался.

Я ведь поначалу его пожалел, даже подумывал, не попрактиковаться ли мне на этом бедолаге. По основному профилю, так сказать, поработать. А потом подумал — да пошел он на фиг. Не дай бог что-то не так пойдет, засбоит, и будет этот неврастеник за мной таскаться по пятам везде.

Но в целом красиво выглядят в ночи проклятые сокровища. У корней высоченного дерева красное зарево, которое перемежается светлыми сполохами, изображающими, что там, под землей скрыто, то есть некий краткий каталог зарытых ценностей. Зрелище такое, что 3D отдыхает!

Ну и всякого другого я узнал немало — и о травах, и о корешках разных, и о повадках лесных обитателей.

Душевым оказался дядя Ермолай, ничего не скажешь. Он мне еще и короткую лесную дорогу открыл, когда я в Шаликово за харчами ходил. Эта дорога что-то с чем-то. Двадцать минут — и я на станции. А если обычным путем топать — часа полтора хода в одну сторону.

Правда, я все равно задумался вот над каким вопросом — лесовик он не злой и дружбу с покойным Захаром Петровичем водил, а его силу тогда во мне не распознал. Почему, интересно?

Или распознал, но решил не лезть в это дело? А что, запросто. Насколько я успел понять, принцип невмешательства в чужие дела в этом новом для меня мире является одним из основных. У каждого есть своя делянка, и он ее возделывает, если сказать образно.

Вот так и бежали день за днем, под ласковым летним солнышком и прозрачно-синим небом без единого облачка. В городе жара, духота, смог, а тут благодать. Опять же — никаких тебе тесных костюмов и галстуков-удавок, никаких пропотевших на спине сорочек, которые вечером от впитавшейся в них соли колом стоят.

Да елки-палки, я даже брился раз в три дня. А что? В нашей деревне танцев по вечерам нету и красотой своей неземной мне пленять некого. Ну не ведьм же, соседок. Тем более что не очень-то мы и общались. Здоровались, если на улице сталкивались, да и только. Нейтралитет, понимаешь.

В общем, со всеми я перезнакомился, кроме болотника, который проживал недалеко от Лозовки, и его супруги, которую дядя Ермолай презрительно называл кикиморой. А может, и не презрительно, может, это ее настоящее имя было. Нет, я бы и к ним наведалься, но лесной хозяин очень мне не советовал этого делать, мотивируя свои слова тем, что болотник и раньше не славился покладистостью и добротой, а после того, как часть его владений осушили и на их месте поставили какой-то завод, вовсе озверел, а потому топит в чарусах любого, кто сдуру сунется в его лапы. Сначала топит, а уже потом разговаривает, когда бывший человек в болотного упыря превратится.

Я рассудил, что к подобным предостережениям следует относиться серьезно, и в болота не полез. Да и на что они мне?

Хотя там, конечно, разные полезные травы растут, судя по записям в книге. Но, с другой стороны, я всегда их могу в другом месте пособирать. Или по старинке поступить, заказать в Интернете.

А вот к русалкам я все же выбрался, пусть и в самую последнюю ночь. Интересно же на них посмотреть.

Что примечательно — они сразу поняли, кто я такой. Не знаю уж как, но факт есть факт. Только заслышав мои шаги по песку, все призрачно-бледные девушки, сидящие близ воды, обернулись ко мне, окинули взглядом, а после разочарованно вздохнули.

— Не человек. Ведьмачок. Тот самый, — задорно хохотнула грудастая красотка и тряхнула нечесаной гривой волос. — Молоденький и свеженький. Ведьмачок, если ты принес нам гре-

бешок, то подари его мне, не пожалеешь. Если Лариску одарить, то и она в долгу не останется. Если непонятно, то Лариска — это я.

Подобное поведение подруги возмутило других русалок настолько, что они немедленно сцепились в словесной перепалке, которая, впрочем, закончилась так же быстро, как и началась.

Я тем временем разглядывал этих фольклорных персонажей, все сильнее убеждаясь, что сказки не всегда верны. Нет у них никакого рыбьего хвоста, ноги как ноги. И волосы не зеленые. И не все они красавицы.

А вот что было удивительным, так это то, что они про меня знали. До них дошли вести, что в Лозовке появился новый ведьмак. Интересно откуда? Я было спросил, но результат не воспоследовал. Поулыбались загадочно-ехидно речные обитательницы, да и только. И принялись болтать о всякой ерунде. А Лариска даже обвинила меня в том, что я на ее грудь плююсь.

Родька же на водных дев и вовсе внимания не обращал, у него другое было на уме. Сначала он из-под какого-то пня достал рыбацкую снасть, им же, как видно, давно и припрятанную, потом зубами отгрыз от ивы длинный хлыст, сварганил удочку и забросил крючок в воду.

— Ты нас, ведьмачок, особо ни о чем не пытай, — посоветовала мне Серафима после того, как я попробовал у них узнать, что за Речной Конь такой. Родьку об этом спрашивать было бесполезно, он уставился своими круглыми глазами на поплавок, сделанный из гусяного пера, и, по-моему, даже не дышал. — Не все мы тебе рассказать можем. У тебя земное, у нас свое, водное. Разные мы, понимаешь?

— Если честно, то не очень, — признался я. — Но как скажете.

— Ты лучше приходи через пару недель, как остатний летошний денек настанет, — посоветовала мне Аглая. — Только не днем приходи, ночью, как у нас положено. Это особая ночь, ведьмак. Мы плясать под луной станем.

— Прекрати немедленно! — цыкнула на нее Серафима.

— Я приглашаю тебя, ведьмак, — блеснули в свете луны глаза Аглаи. — Приходи, буду ждать.

— Дура девка, — подытожила Лариска. — Но ты если придешь, то гребешок мне захвати.

— И мне, и мне! — раздался голоса русалок.

Что за гребешки-то? Те, что едят, или те, которыми причесываются? Надо у Родьки уточнить.

— Если приду, принесу, — сказал я. — Но обещать не стану. Просто я сегодня в город возвращаюсь. Пора. Отпуск кончается.

— Я буду тебя ждать, — настойчиво повторила Аглая. — Не пожалеешь.

— Клюет! — заорал в это время Родька и дернул удилище. — Здоровенная рыбина! Линь небось! Или лещ большой, со сковородку размером!

Это оказался не линь и не лещ. На крючке висело оплетенное водорослями и почерневшее от воды и времени древнее сиденье от унитаза, которое называли «стульчак».

ГЛАВА 2

Никогда не подозревал, что Родька может быть настолько мстительным. Нет, бесспорно, знакомы мы недолго, но мне казалось, что я вроде как разобрался в характере своего новообретенного слуги.

Кстати, на редкость нелепо звучит — «своего слуги», никак не привыкну. В жизни бы не подумал, что у меня появится слуга. У нищих, как известно, их нет. А я по сути нищий и есть. Ну не совсем бомжатка, разумеется, но недалеко от этого состояния ушел. Как, впрочем, подавляющее большинство населения этой планеты в целом и конкретной страны, в которой я проживаю, в частности. Само собой, что на вечере встречи выпускников и при общении в социальных сетях с давними знакомыми я с гордостью причисляю себя к среднему классу и даже привожу аргументы, подтверждающие данный факт, но это не более чем способ самоутверждения. Правда, радуется то обстоятельство, что я не один такой.

Любой из нас, клерков, в плане трудоустройства уязвим невероятно, причем не важно, в какой сфере кто работает. Бан-

ки, трастовые компании, туристический бизнес — везде есть мальчишки и девочки, которые привычны к десятичасовой постоянной улыбке, умеющие набирать текст на клавиатуре вслепую и отвечающие на телефонный звонок даже дома привычной фразой «Добрый день, меня зовут Виктор, чем я могу вам помочь?» Но, по сути, это все, что они умеют.

Нам хорошо, когда все в стране хорошо. А вот как только ее шатнет чуть сильнее, тут-то веселье и начинается. Первыми с работы вылетаем мы, служащие младшего и среднего звена. У власти предрержащей в компаниях, трастах и холдингах свои законы, взаимосвязи и пакеты акций, пусть с одним процентом, но все же. А нам хвататься не за что, поскольку ни соломинки, ни даже гадуки, за которую можно схватиться в самом крайнем случае, нашему брату никто не протянет.

Ну а мы с какого-то момента во внутренних разговорах кадровиков перестаем быть Александрями, Аленами, Юлиями, Владимирями и приобретаем новый статус — балласт компании. А что делают с балластом? Верно, его сбрасывают. А наши обязанности распределяют между теми, кто уцелел во время кадровой резки и остался на борту, причем с неременным комментарием:

— Мы за тебя долго боролись, еле отстояли. Но, сам понимаешь, надо доказать и оправдать. Так что теперь должностных обязанностей у тебя прибавится. Что? Ты совсем обнаглел. Какая доплата? Радуйся, что вообще работать остался.

Я такое видел не однажды, правда, мне везло и пока ни один из девятих валов «кризисного террора» меня не утопил. Но каждый раз мне было не по себе. Никогда не знаешь, когда на твоей спине кадровики мишень нарисуют.

Оно и понятно, у меня запасного аэродрома нет. Я кроме того, чем занимаюсь сейчас, больше ничего и не умею. Хорошо тем, кто имеет какую-то вторую профессию, у них альтернатива есть. А я... Черт, да мне, кроме банка, и ткнуться-то некуда. Точнее, было некуда, теперь-то кое-какие перспективы вырисовываются, пусть пока несформировавшиеся окончательно, туманно-призрачные, но все-таки, все-таки...

А в целом выходит, что вроде у нас, менеджеров среднего звена, все более-менее есть, а по жизни мы если и не нищие,

то близко к тому стоим. Чуть сильнее тряхни — и посыплемся, как груши с дерева.

Про духовность я и вовсе промолчу. Нет, мы охотно спорим о Достоевском, Бегбедере и Мураками, слушаем концептуальную музыку и смотрим авторское кино, честно пытаюсь на нем не заснуть. Это тренд, это надо, мы же еще и интеллектуалы. Но если доходит до дела... Мне знакомая одна рассказывала, что она, когда институт окончила и диплом получила, с группой на природу поехала его обмывать, на два дня. Шашлыки, водочка, все такое. Понятное дело, когда луна на небо вылезла, народ решил спеть хором. Не знаю, как в Европах, а у нас выпить водки и не спеть хором, это хуже, чем выпить водки и не закусить.

Так вот, единственной песней, которую все до единого присутствующие знали наизусть, оказался «Владимирский централ».

А, вот что еще забыл сказать. Это были юристы. Вечерники. И многие из них уже работали по профессии, кто в Следственном комитете, кто на таможне, а кто и в прокуратуре.

Ладно, что-то меня занесло в сторону.

Родька бурчал остаток ночи, все утро, пока мы собирали вещи и даже в электричке, сидя в рюкзаке, то и дело издавал какие-то звуки. А еще время от времени начинал толкаться.

Хорошо еще народу в вагоне было мало и по соседству со мной никто не пристроился.

Вот как его сиденье от унитаза за живое задело.

Но подозреваю, что русалки тут были ни при чем. Просто так получилось. Ну бывают на свете совпадения.

Другое дело, что Родьке это объяснить было невозможно. Он существо упертое до крайности, и если что для себя решил, то все, хоть кол на голове ему теши. Ничего не изменишь.

Когда в следующий раз поеду в Лозовку, то надо будет проследить, чтобы он и впрямь какую-нибудь отраву с собой не прихватил, а после в реку не бросил. Мне русалки понравились. Не знаю, за что их так фольклористы не любят, зачем всякие гадости про них пишут. Спокойные оказались барышники, не буйные. Знай сидят ночью на берегу, беседуют, при полной луне танцы танцуют. И вдобавок все, как одна, с не-

простой судьбой. Их пожалеть хочется, а не бояться. Всех, кроме Лариски. В ней как раз что-то такое неприятное было.

Хотя, возможно, меня они не тронули просто по некоему родственному признаку. Я ведь, по сути, теперь один из них. Кто эти они? Да те, кого на свете не бывает. Ведь так родители детям говорят, когда их спрашивают, есть ли Баба-яга, Кошей Бессмертный, Дракула и Сейлормун на самом деле? «Это все сказки». И я теперь тоже сказочный персонаж. Отчасти. Процентом на тридцать. Ну сами посудите — я могу общаться с мертвыми, дружу с русалками, лешими и подъездными. И воюю с домовым. Кстати, не сомневаюсь, что после моего отъезда Ан-тип устроил большой праздник и, возможно, даже украсил дом по этому поводу.

Хотя, думаю, насчет Сейлормун родители детям правду говорят. Вряд ли она есть на самом деле.

А если серьезно — в том мире, который большей частью живет при лунном свете, в социальном смысле все сбалансировано не хуже, чем в обычном, человеческом. А может, даже и лучше. Люди склонны периодически от безделья и по недомумию сотрясать устои общества и рушить все до основания, чтобы потом построить некий новый мир, который с огромной долей вероятности будет немногим лучше старого.

Здесь же все давным-давно определено и разложено по полочкам. Каждый знает свое место, каждый знает, что почем и кто за кого впряжется, если чего. Понятий «друг» и «враг» у них нет, но некое подобие деления на своих и чужих имеется. А еще там все решают традиции и покон. Да, тот самый покон, про который я много слышал еще до отъезда в Лозовку. Насколько я смог понять, это некий свод законов, по которому мой новый мир существовал с тех времен, когда старые боги еще спускались на Землю и бродили по ее дорогам, выдавая достойным награду, а негодьям заслуженную кару.

Про этот самый покон знали все, с кем мне довелось пообщаться, но, как только я пытался узнать, где с ним можно ознакомиться, так сказать, в первоисточнике, на меня смотрели как на душевнобольного. Даже Родька и тот только уставился на меня своими круглыми глазищами, похлопал ресницами и ничего не сказал.

А жаль. Мой богатый офисный опыт говорит о том, что заучивать инструкции и положения наизусть дело бессмысленное, но ознакомиться с ними надо непременно. Никто не знает, когда наступит день переаттестации. Но он непременно приходит, рано или поздно. И как водится, внезапно и вдруг. Потому надо хотя бы знать, где стоит та самая папка, в которой можно найти ответы на вопросы.

Что примечательно — в моей настольной книге, той, что досталась по наследству, про покон нет ни слова. То ли мои предшественники не сочли нужным про него упоминать, то ли для них это была прописная истина и говорить про нее было просто глупо.

Короче, мне было о чем подумать в электричке, которая неспешно везла меня в Москву.

Так-то я изначально даже домой не планировал заезжать, сразу хотел рвануть на дачу родителей. Для того и уехал из Лозовки за четыре дня до конца отпуска. Ну а как по-другому? Надо. Я же тамошнему лесному хозяину обещал помочь отпустить привязанные к месту своей смерти души. Они там лет четыреста маются и ему как бельмо на глазу.

Нельзя сказать, что я очень высокоморальный человек и вот так всегда свое слово держу, но здесь и ситуация другая. Во-первых, врать таким сущностям дело неблагодарное. Телефон у них, понятное дело, нет и Скайпа тоже, но что-то мне подсказывает, что новости из одного леса в другой, пусть даже и неблизкий, будут переданы быстро. Во-вторых, мне очень хотелось попробовать себя в этом деле.

Нет, страх имел место быть. Книгу я штудировал исправно, и хоть по моей новой специальности там почти ничего сказано не было, все равно встречались фразы, к ней относящиеся. Вот хоть бы одна из них, написанная неким Евплом еще веке в пятнадцатом, как бы не раньше: «Аще мертвого того за кромку не спровадиши, он тебе житья не даст. Будет ходити, блазнити и жизнь твою тянути».

Не исключено, что речь идет вовсе не о неупокоенных душах, а о каком-то бродячем мертвце или даже вариации некоего древнерусского вампира, одетого вместо шелкового камзола и демисезонных ботфортов в армяк и лапти, но все равно холодок по спине пробирает.

Но если просто дома сидеть и всего бояться, то это мне пользы не принесет.

И еще — души на той поляне — это самое то, что мне нужно. Очень уж они в нашем мире засиделись, и, насколько я понял, это играет мне на руку. Дело в том, что неупокоенные души, изрядно задержавшиеся на Земле, перестают осознавать себя. Проще говоря, они чем дальше, тем больше теряют индивидуальность. Время помаленьку, но при этом неумолимо стирает из них все то, что было присуще личностям, которыми они некогда являлись, усредняет, делает безликими фантомами, существующими по привычке. Без памяти, без желаний, без всего. Хотя нет, желания могут быть. Например, при случае напакостить живым, это в них заложено на уровне инстинктов. А еще такие сущности почти всегда мечтают о том, чтобы наконец прервать свое бесполезное существование.

И вот тут наши желания совпадают. Им надо уйти, а мне надо понять закономерности этого процесса.

Разумеется, это присуще только бесхозным душам, которые существуют вне здорового кладбищенского коллектива, вроде тех, что обитают в лесу близ дачи моих стариков. На кладбище действуют другие законы, там есть Хозяин, и только он решает, кому и как проживать в пределах его территории. Хотя и там, я так думаю, все не так гладко обстоит. Не может душа с двумя-тремя веками за спиной ощущать себя такой же личностью, как при жизни. Не может она не завидовать тем, кто еще жив. Хоть в чем-то.

Так вот, я сразу хотел на дачу к родителям рвануть. Но чем ближе мы подъезжали к Москве, тем больше крепло у меня желание домой заехать. Сумку бросить, ванну принять, телефон опять же зарядить.

Да и Родьку там оставить тоже не мешало бы. Вообще-то я хотел все дела там поделать и смыться обратно в город до того, как мои старики на дачу нагрянут. Но, зная маму и ее чутье, можно смело утверждать, что этот номер у меня не пройдет. А значит, моему мохнатому приятелю лучше там не появляться.

Разумеется, это все были отмазки, но звучали они у меня в голове очень убедительно. А потому через час с небольшим я

подходил к своему подъезду, вдыхая забытый за две с половиной недели пыльный и жаркий городской полуденный воздух.

— Э, стой, а! — открывая подъездную дверь, услышал я женский голос. — Стой!

Как ни странно, этот оклик предназначался мне. Дворничиха потрясала метлой, довольно шустро приближаясь ко мне. Как ее, блин, зовут-то? Вроде, Фарида. Или Хафиза?

— Ты что делаешь, а? — даже не подойдя поближе, укоризненно произнесла она и покачала головой. — Ты зачем уехал, а?

— В смысле? — опешил я. — Уехал — значит, надо было.

— Надо ему было! — возмутилась работница ЖКХ и грозно стукнула черенком метлы об асфальт. — Ты что, глупый совсем? У тебя женщина беременная, а ты уехал!

— Кто у меня? — выпучил глаза я.

— А Маринэ с пятого этажа? — пристыдила меня дворничиха. — Забыл, э? Она твоего ребенка носит, а тебя рядом нет! Иэээх! Так разве делают! Я ее даже не виню теперь! Чем с тобой, как ты, жить, лучше вообще никто не надо!

Как видно, я пал в ее глазах на самое дно самого глубокого ущелья, поскольку после этих слов Фарида повернулась ко мне спиной и отправилась восвояси.

Так я и не узнал, в чем она Маринку винит. Хотя могу догадаться, ведь чрезмерной нравственностью моя соседка сверху никогда наделена не была.

Но зато понял, о чем речь шла. Точно, было такое. Эта язва в свое время целый спектакль разыграла под названием «А. Смолин — подлый растлитель» для того, чтобы со мной в Лозовку увязаться. На свою же голову. С тех пор все бабушки в нашем доме, равно как и работники коммунальных служб, были уверены в том, что она носит моего ребенка. И даже плоский живот, который Маринка с завидным постоянством демонстрировала всему миру, натягивая на себя вызывающие топики, не являлся аргументом, опровергающим данную аксиому.

Все-таки приятно, что есть некие вещи, которые никогда не меняются. Например — последствия Маринкиных проделок. Они всегда выходят боком кому угодно, только не ей самой. Исключением может служить, пожалуй, та самая присно-

памятная поездка в Лозовку, когда она через свое упрямство и любопытство чуть жизни не лишилась.

А еще к таким вещам относится родной дом, особенно если ты холостяк. От чего уехал, к тому и приехал. Стабильность. Есть в этом что-то такое, согревающее душу.

— Дома! — радостно сообщил мне Родька, которого я сразу же выпустил из рюкзака. — Наконец-то!

— Не понял? — удивился я. — Ты же меня сколько времени агитировал за то, чтобы мы съехали из города в деревню?

— Было, — не стал спорить мой слуга, прошлепал в комнату и залез на кресло, которое, похоже, он возвел в ранг своей личной собственности. — Но чего-то сравнение не в ее пользу. Не в пользу деревни. Там телевизора нет. И чайника электрического. И воды с пузырьками, которая «Саяны».

— Это да, — признал я, посмеиваясь.

Да и то. Мне, горожанину, охота обратно, а он, всю жизнь там проживший, рад, что в город вернулся. Вот уж воистину — кому что.

— Хозяин, — облизнулся вспомнивший про свою любимую газировку Родька, — надо в лабаз идти. Холодильник-то пустой. Чего есть будем?

— Гречки полно, — не смог я отказать себе в удовольствии немного над ним поиздеваться. — И риса. И пшена.

— Да? — опечалился Родька. — И соли с сахаром?

— И их тоже, — подтвердил я. — Ну, какие еще будут аргументы?

Слуга призадумался.

— С возвращеньцем! — послышалось с кухни. — Как съездили?

— Мое почтение, Вавила Силыч, — громко произнес я. — Хорошо. Мне даже понравилось там. Воздух чистый, никакой суеты и спешки. Есть в загородном существовании нечто такое, что мы потеряли. Вот, даже уезжать не хотелось.

— Это, Александр, потому, что ты там был гость, — как всегда степенно объяснил мне подъездный, входя в комнату. — Ты туда ненадолго приехал и знал, что вернешься в город. Опять же — лето на дворе, и с погодой тебе повезло. А оставь тебя там на постоянное проживание, да особенно поздней осенью или

зимой, когда все снегом завалит... у-у-у! Частный дом — это тебе не городская квартира. Там капает, тут поддувает, снег самому надо чистить, дрова пилить-колоть, печку топить.

— А я на что? — обиженно подал голос с кресла Родька.

— И еще за этим обормотом в оба смотри, — согласился с ним Вавила Силыч. — Вот сколько всего. Так что, Александр, живи где родился, то есть здесь, в городе. Не ищи от добра добра.

— Так и в мыслях не было переезжать, — заверил подъездного я. — Кстати, из забавного. Я там с домовым характерами не сошелся. Он меня из дома как только не гнал. Даже душить пытался.

— Да что ты? — изумился подъездный. — Родион, а ты куда глядел?

— Чуть что, так Родион! — взвился мой слуга. — Я ему, мохнорылому, три раза морду мял, объяснял, что нового хозяина надо не меньше чем старого чтить. Он не слушает, говорит, что городских в гробу видал, не указ они ему.

— Видать, из старых домовик, — со знанием дела вынес суждение Вавила Силыч. — Из исконных. Да и тьфу на него, Александр. Дом он все одно беречь станет, такая его судьба. И тебя как хозяина со временем тоже признает. Любить, может, и не будет, а чтить станет, никуда не денется. Ты, главное, в ближайшее время ремонт там не затевай, старые стены не рушь, чтобы его злону до крайности не доводить. А потом все устроится. И плохо про него даже не думай, он чужого на порог не пустит и умышлять против тебя не станет.

Значит, с ремонтом пока не сложится. Ну и ладно, мне там не жить. Да и не факт, что я вообще в этом году туда еще пожить отправлюсь. Отпуск кончается, лето тоже к концу идет, скоро осень. Дожди пойдут, грязь там будет несусветная. А как снег ляжет, я туда и вовсе не доберусь.

Интересно, а откуда ведьмы продукты зимой берут? Летают за ними, что ли?

— А у нас тут все по-старому. — Вавила Силыч сурово глянул на Родьку. — Все свое дело знают, кроме одного лентяя мохнатого, который гостю даже чаю не предложит.

Родька тут же скатился с кресла и поспешил на кухню. Вот ведь. А скажи ему я то же самое, может, и не воспоследовал бы результат. Нет, разбаловал я его.

— Марина с пятого этажа к тебе раза три заходила, — тем временем сообщил мне подъездный. — И звонила в дверь, и ногами в нее стучала. Особенно в прошлые выходные. У нее компания собралась, они всю ночь водку пили, разные разговоры вели, тебя вспоминали.

— О как, — заинтересовался я. — Что за люди?

— Коллеги ее, — тут же ответил Вавила Сильч. — Я их до этого всех видел уже. И этот крепкий паренек был, Стас который. Полицейский, похоже, эту публику ни с кем не спутаешь. Он, кстати, водку и принес. Целый ящик.

А, понятно. Стало быть, дали приятелю Севастьянова внеочередную звездочку на погоны. Он еще тогда обещал, что если дело выгорит, то с него ящик водки.

Однако быстро как. Времени-то прошло всего ничего.

— Вспоминали-то по-доброму? — поинтересовался я.

— А как же, — заулыбался Вавила Сильч. — Правда, о том, что ты себе на уме, тоже говорили. Но без злобы. Так, шуткой.

— И хорошо, что меня не было, — порадовался я. — В такую жару водку пить — себя не жалеть. Больше никто не заходил?

— Нет, — покачал головой подъездный. — Я бы рассказал.

Впрочем, а кого мне еще ждать? У меня не так много знакомых, а таких, которые знают, где я живу, вообще по пальцам пересчитать можно.

Зато на телефоне, который я поставил на зарядку и после этого сразу включил, обнаружилась целая куча пропущенных звонков, и вот там было то еще разнообразие. Например, меня разыскивали сослуживцы, которым что-то внезапно понадобилось. Что именно — понятия не имею и прямо сейчас выяснять не собираюсь. Все вызовы прошли в один день, стало быть, какую-то бумажку не нашли и пошли по пути наименьшего сопротивления, то есть начали мне названивать. Десять звонков за три часа. А потом как отрезало. Значит, либо нашли желаемое, либо меня уволят в первый же день после отпуска. А что? Такое бывает, я сам видел. Вышел человек на работу — веселый, загорелый, пакет магнетиков турецких в руке, а ему под нос заявление тычут и говорят:

— Подписывай по-хорошему.

Просто пока он гезлеме кушал и в бассейне пьяненький купался, всплыл косяк в отчетности, которую он готовил, и у банка заморочки были такие, что хоть вешайся. Проблему разрулили, понятное дело, но сотруднику этому все одно трындец настал.

Еще звонила мама три раза, Маринкин телефон раз пятнадцать отменился, пять вызовов прошли с неизвестных мне номеров, скорее всего, кто-то жаждал предложить мне положенную законом юридическую помощь или бесплатное медицинское обследование. И два раза со мной хотел пообщаться Нифонтов.

А вот это уже серьезнее. Тут придется перезвонить. Как ни крути, а у меня перед ним должок имеется, который все равно придется возвращать. Жизнь-то он нам с Маринкой тогда в лесу спас, что было, то было. И ночная заварушка на кладбище этот долг не списала, там каждый из участников решал свои собственные вопросы. Кто устранял угрозу для жизни, кто преступника, причем физически, кто звездочку зарабатывал. Каждому свое.

Я решил не откладывать разговор с оперативником отдела 15-К в долгий ящик и сразу набрал его номер, но безрезультатно. Он был недоступен.

— Вот, больше ничего нету, — сообщил Родька, тем временем накрывавший на стол. — Хоть убейте.

К чаю у нас дома были только сушки, дошедшие до состояния каменной твердости.

— Не шуми, — попросил я его, откладывая телефон в сторону. — Схожу я сейчас в магазин, схожу. Надо же тебе что-то три дня есть, пока меня не будет.

— Опять уезжать куда собрался? — уточнил Вавила Силыч, шумно хлюпая чаем. — Вот ты, Александр, неугомонный стал. Раньше все дома сидел, фильмы глядел или в Интернете лазал, а теперь как шило тебе в одно место воткнули.

— На дачу к родителям поеду, — объяснил я. — Надо стариков проведать.

— Это правильно, — одобрил подъездный. — А за этого неслуха не волнуйся, пригляжу за ним. Или к делу какому представлю.

— Опять удава ловить? — хмыкнул я.

— И-и-и, где тот удав! — хихикнул Вавила Силыч. — Съели его уже.

— В смысле? — опешил я.

— В прямом, — невозмутимо ответил подъездный. — Один умник из четырнадцатого дома вычитал в какой-то книжке, что копченый удав сильно вкусный. Вот они его в подвале и зажарили, там же и схарчили. И чуть не отравились насмерть! То ли приготовили неправильно, то ли еще чего не так с этой змеюкой. Фомич, их старшой, цветом лица как фрукт апельсин стал, весь оранжевый. Зрелище, я тебе доложу! Прямо такая радость на душе у меня была, когда на него смотрел, словами не опишешь.

Нет, все-таки какая у меня жизнь теперь интересная началась! Кому расскажи, что домовые зажарили и съели в подвале обычного московского дома удава, ведь не поверит никто. Да что там — за психа примут. А ведь оно так и было на самом деле.

— Когда поедешь-то? — уточнил у меня Вавила Силыч, хрустя сушкой. — И на сколько?

— Завтра, — потянувшись, ответил я. — Сегодня уже лень. И до воскресенья.

Хотя, может, и до субботы. Тут все зависит от того, до какой степени маму пробьет на хозяйственную деятельность и насколько удачлив я буду при побеге с родных шести соток.

Август на дворе, мои старики каждые выходные теперь туда ездят, урожай собирают. Помидоры поздние, груши, тыквы, кабачки. Так что дело всегда найдется, для меня в особенности. Вон, хоть бы бочку тягать опять заставят.

Эта бочка — мое проклятие. Когда-то синяя, а теперь желтая от ржавчины, она мыкается по нашему участку как «Летучий голландец». Ну как мыкается? На моем горбу катается.

То мама в ней огурцы сажает, и она занимает место за беседкой. На следующий год мама решает найти ей другое применение, а именно приспособить под сжигание мусора, после чего я качу этого круглого монстра на противоположную сторону участка, к забору, перед этим изымая из нее землю и копая новую яму для пущей бочкоустойчивости. И так год за годом.

Последние несколько лет она опять выполняла огородно-огуречную функцию, но это потому, что мне хватало ума на да-

чу особо не соваться. Теперь все может перемениться, я же буду там.

Кстати, как напророчил. Ну или у мамы веб-камера на заборе стоит, и она отслеживает через Сеть, кто там около ее дачи трется. Стоило мне только на следующий день приехать на дачу и открыть калитку, как зазвонил телефон.

— Саш, ты где? — требовательно спросила мама. — Почему трубку две недели не брал?

Я попытался что-то объяснить, но она привычно не стала меня слушать, высказав кучу претензий по поводу моей безалаберности и невнимательности к ближним своим. Кончилось все приказом прибыть в эти выходные на участок, чтобы хоть часть моего отпуска пошла на благое дело. Если не сегодня вечером, то завтра утром точно.

— Уже, — хмуро ответил я, прекрасно понимая, что за этим последует.

Но врать не стоит. Только хуже себе сделаю.

— Что «уже»? — изумилась мама.

— На дачу приехал, — объяснил я. — Излагай, что делать. А то ведь мне уже завтра уезжать.

Нет, полных два дня, до воскресенья, я не выдержу. Родительская любовь — это святое, но рассудок дороже.

— Тогда самое главное, — деловито сказала мне мама. — Бочка!

Я провозился с заданиями, надиктованными мамой, чуть ли не до заката. Нет, мне раньше в лес и не надо было идти, но ведь можно было вместо этого на диванчике полежать и в телевизор потаращиться. А вот хрен-то!

Как иные товарищи с родителями до седых волос живут, а? Это же с ума сойти можно что такое!

В лес я вошел тогда, когда багровое солнце стремительно начало валиться за верхушки елок. Повторюсь — август, смеркается теперь куда раньше и куда быстрее, чем в июне-июле. Да и ночи куда темнее стали, это в начале лета даже в полуночный час небо все равно прозрачно-светлое. А теперь куда там.

Я убрал в карман телефон, с которого только что еще раз пытался дозвониться до Нифонтова, достал из пакета, прихва-

ченного с собой, краюху хлеба, положил ее на пенек и громко сказал:

— Добрый вечер, батюшка лесной хозяин. Не побрезгуй моим угощением и позволь погулять в твоих владениях.

— Я же тебе сказал, паря, что ты в моем лесу всегда желанный гость, — слышалось из-за ближайших кустов. — Хотя за хлебушек спасибо.

— О чем речь! — Я помахал рукой шагнувшему мне навстречу старичку в ватнике и кепке с надписью «Таллин 80». — Почему не порадовать хорошего... кхм...

Слово «человек» тут было не сильно уместным.

— Да ладно, — верно расценил мое смущение лесной хозяин и прихватил с пня краюху. — А ты, я гляжу, за это время успел-таки к силе ключик подобрать? Молодец. Хитер да умен, два угодыя в нем.

— Учужали? — сразу же любопытствовал я.

Мне вообще было интересно, как эти существа моментально узнают таких, как я, как им удастся распознать, что у меня есть сила. Подозреваю, что это у них врожденный талант, который нам, людям, недоступен.

Хотя... Та мерзкая болотная ведьма, что меня чуть не прирезала ночью в парке, тоже ведь что-то учужала.

Но мне пока такое было не под силу.

— А как же! — даже как-то возмутился старик. — В мой лес ведьмак пожаловал, да еще и из тех, что с той стороны знает-ся, а я про это сразу не проведаю? Что же я тогда за хозяин этому месту. Ты, кстати, чего пришел-то? Так, лясы поточить или по делу какому?

— Слово сдержать, — веско произнес я. — У меня как? Сказано — сделано.

— Молодец. — Лесной хозяин поправил кепочку. — Даже два раза. Первый — потому что обещания свои помнишь. Второй — потому что нахваливать меня не стал, мол, как вам да не помочь, вы же такой-разэдакий. Любит ваше ведьмовское племя пустыми словами сорить, лишь бы нужное получить.

А вот это интересно. Кто это кроме меня сюда захаживал и когда? И чего от этого старичка-лесовичка хотел?

— Так пошли. — Дед махнул рукой, и перед нами появилась тропинка, ведущая в глубь леса. — Солнце почти село, к тому времени, как дойдем, и эти канительщики на поляну вылезут.

ГЛАВА 3

Лесной хозяин все сказал верно — несмотря на то что мы шли к последнему пристанищу неупокоенных душ самой что ни на есть короткой дорогой, добрались мы к нему уже в темноте.

Темнота эта, правда, была весьма условной. Тропу, по которой мы шли, подсвечивали какие-то гнилушки, воткнутые в пни, и светляки, кружившиеся над нами.

— Из тебя выйдет хороший ведьмак, — толковал мне тем временем лесовик, бодро топавший впереди. — Если начал с того, что обещание свое сдержал, то точно так и будет.

— Ну а как по-другому-то? — скромничал я. — Слово дадено, нешто я его нарушить могу?

— А вот это ты заканчивай, — повернувшись ко мне, помаhal узловатым пальцем лесной хозяин. — Ни к чему эти все «нешто» да «надьсы». Время вокруг другое и говорят люди теперь по-иному. Ладно я, коряга старая, но ты-то из нынешнего, нового времени? Вот и будь самим собой. А если ты мне приятное хочешь сделать, то лучше нежить с моей поляны высели. Ясно?

— Предельно, — кивнул я.

— Время, оно меняется, — засопев, снова двинулся вперед старик. — И все остальное вместе с ним тоже. Хочешь выжить — будь умнее, не пытайся вернуть то, что ушло навсегда. Я вот это понял давно, потому и хозяин до сих пор этому лесу. А те, кто пытался за старое, отжившее, цепляться, — где они теперь?

— Где? — заинтересованно спросил я.

— А нигде, — хохотнул лесовик. — На нет сошли, как яд у старой змеюки. Клык остался, а отравы там нет, пережила она ее. Пыхтят, страшат, друг дружке говорят, что они все еще

владыки мира, даже забредшего к ним дурняком человека убить могут, а толку-то от того? Силы нет, радости бытия нет, крова своего нет. Туман, и только. А в тумане, как известно, ни толку нет, ни жизни. Сырость одна.

Интересно, это он о ком вообще говорит? Кого имеет в виду?

Но развить эту тему мне не удалось — мы пришли к конечной точке нашего путешествия, выйдя из березовой рощицы напрямиком на заветную поляну.

— Давай, — ткнул лесной хозяин пальцем в смутные тени, мелькавшие над поляной, побряхтывая, сел на землю под ближайшей березой и вытянул ноги, обутые в старые галоши. Под галошами виднелись шерстяные носки грубой вязки. — А я погляжу, как ты это делать станешь. Любопытно ведь.

— А до этого вы ни разу не видели, как души неприкаянные отпускают? — изумился я. — Вам ведь лет уже... Много, короче.

— Видел не видел — тебе какая в том печаль? — как мне показалось, с насмешкой ответил вопросом на вопрос лесовик. — Делай свое дело, ведьмак.

Легко сказать. Там, в Лозовке, мне все это представлялось довольно несложным, а тут, под звездным августовским небом, точка зрения маленько изменилась. Нет, страха не было, но вот сам процесс... С чего начать-то?

Я ведь всего две души и отпустил за всю свою недолгую ведьмачью карьеру. И обе были не против этого, более того — мне помогали. Потому как сами были ведьмаками при жизни. Так сказать, корпоративная этика в действии. А тут...

Тем временем тени, скользящие над поляной, как видно, учуяли меня и короткими, смазанными движениями стали подбираться все ближе.

— Отпусти меня, — вскоре услышал я слова, знакомые мне еще по прошлому визиту. — Отпусти. Укажи путь.

Как и тогда, вслух эти просьбы не произносились, они звучали внутри моей головы. Неприятное, кстати, ощущение. Как когда зуб сверлят под анестезией. Боли нет, но вот этот скрежет, запах медикаментов и костной пыли, брызги воды... Брр!

Сначала голос был один, того призрака, что подлетел ко мне быстрее остальных, но потом его товарищи по несчастью

тоже подтянулись поближе, и через минуту мои уши заложило от их «Открой Врата! Спаси! Отпусти меня! Отпусти!».

Шутки шутками, но возникало ощущение, что сейчас моя голова просто взорвется от того бедлама, что творится вокруг.

— Так! — не выдержал я, закрыл уши ладонями и заорал: — Заткнулись все!

Невероятно, но это сработало. Призраки замолчали, причем все и сразу. Мало того, они даже перестали кружить надо мной и опустили на землю, если это можно так назвать.

— Вот, — похвалил их я. — А то устроили тут, понимаешь.

Лесной хозяин одобрительно крякнул за моей спиной.

— Так, — я размял ладони, уж не знаю зачем, — выстраиваемся друг за другом и подходим ко мне по одному.

Ну надо же с чего-то начинать? В книге по этому поводу ничего не сказано, а мой личный опыт заключается, как я говорил, в отправке в конечную точку бытия только двух застрявших на земле душ. Думаю, надо повторить то, что я тогда на кладбище делал, а если не сработает, двинусь путем проб и ошибок. В любом случае эти тени, похоже, сильно навредить мне не смогут. Максимум занудят до полусмерти.

Да если честно, они меня вообще не волнуют. Вот то, что лесной хозяин может обидеться, — это серьезно. Но, с другой стороны, он видит, что я пытаюсь сдержать слово, так что авось выкручусь. Это переговорный вопрос, проще говоря.

Ну и вообще — не надо думать о том, что ты проиграл, до начала матча. Игра заканчивается только тогда, когда звучит финальный свисток.

Господидобрыйбоженька, какая ерунда в голову лезет!

— Вот ты, ко мне... э-э-э... — Я ткнул пальцем в одну из теней. — Даже не знаю... Подлети?

Туманный сгусток, в котором с трудом угадывались человеческие очертания, приблизился ко мне.

Когда я отпускал ведьмаков, мы соприкасались пальцами. Но у того призрака этот палец хотя бы был. А здесь нет ничего.

— Ладони моей коснись своей ладонью, — сказал я сгустку, который колыхался в каких-то сантиметрах от моего лица. — Ну или чем еще, я не знаю даже. Что-то же у тебя там есть?

Я поднял руку и выставил свою ладонь вперед так, как это делают мужчины, желая показать друг другу, что шутка оценена. Ну или когда «Спартак» наконец-то забил гол хоть кому-нибудь. А то играют, понимаешь, играют, а чемпионами раз в двадцать лет становятся. Не все болельщики и доживают до этого триумфа.

Тень обволокла мою ладонь, я ощутил влажное прикосновение, такое, какое бывает, когда попадаешь в туман.

В голове у меня ощутимо бамкнуло, так что даже уши заложило, перед глазами пронеслись какие-то смазанные видения, более всего похожие на фотоальбом, пролистанный с приличной скоростью. Женщина в длинном льняном балахоне с вышивкой, какие-то мальчишки с огромной рыбиной, которую они несли впятером, кудрявый добрый молодец, лукаво подмигивающий кому-то, младенец, пускающий пузыри в архаичной колыбельке, подвешенной к потолку, и в конце концов яркий отблеск солнца на сабле, резко опускающейся вниз.

Все это мелькнуло перед глазами и пропало, по телу прошел легкий холодок, а сгусток тумана, стоявший передо мной, рассыпался на сотни мелких брызг и стал не более чем росой на траве. Да и та через пару мгновений высохла.

— Молодец, — подал голос лесовик. — Справился! А то были у меня, понимаешь, сомнения!

— Рад, что оправдал оказанное мне высокое доверие, — выдохнул я, прислушиваясь к себе.

Счет открыт. Первая тень, отправленная... куда-то там. Не знаю куда. Мои усопшие коллеги по цеху — они не в счет. И свои это были, и рядом Хозяин кладбища стоял.

А тут другое дело.

И, что главное, внутренний голос в набат не бил и «Беда! Напасть!» не кричал. Значит, все прошло нормально.

К тому же выводу пришли и тени. Они в силу возраста хоть и не обладали особым разумом, но сообразили, что к ним все-таки пожаловало избавление в моем лице, после чего даже выстроились в некое подобие очереди, как я и просил.

Самый же шустрый уже колыхался прямо передо мной.

— погоди, — сказал я ему. — Дай дух переведу.